

Путь на ВОСТОК

К юбилею академика М. А. Грачева

Вначале был Директор Лимнологического института СО РАН. Директор, давший возможность работать на уникальном аналитическом оборудовании и быть соучастником исследования тайн великого озера. Затем, как Колумб, желающий открыть Америку, в то время как команда хочет домой, был Руководитель, убеждающий и увлекающий открывать новые горизонты, использующий для достижения цели всю харизму своей гигантской личности и весь административный ресурс, как всегда правый по завершении научного поиска. Наконец, есть и будет Ученый – кладезь новых идей и ниспровергатель научных авторитетов, учащий все подвергать сомнению, отстаивая свою точку зрения, свой собственный путь в науке, не жалеющий времени на дискуссию с теми, кто стремится познать научную истину, понимающий, что одно полезное слово, услышав которое человек становится чуточку мудрее, лучше тысячи речей, составленных из бесполезных слов. Ученый, который всегда следовал истине мудрейшего из мудрых:

«Давай наставления только тому, кто ищет знания, обнаружив свое невежество. Оказывай помощь только тому, кто не умеет внятно высказать свои заветные думы. Обучай только того, кто способен, узнав про один угол квадрата, представить себе остальные три».
Сюнь-Цзы, III в. до н.э.

К. х. н. Александр Горшков,
зав. лабораторией хроматографии ЛИН СО РАН

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛИМНОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ**

Теперь мы можем смело назвать Михаила Александровича Грачева настоящим лимнологом, хотя в первые годы работы в институте он не раз слышал от сотрудников, что лимнология – особая наука, и он в ней не специалист.

Его назначение было решением «сверху», но впоследствии научный коллектив Лимнологического института пять раз поддерживал кандидатуру Михаила Александровича на должность директора, хотя работать под его руководством (впрочем, как с любым сильным лидером) очень непросто. Да и доставшееся нам время трудно оценить как благоприятное для развития науки в стране. Но, оглядываясь назад, надо отметить, что перестройка оказала и положительное воздействие. За эти годы мы сделали большой рывок вперед благодаря той политике и стратегии, которая проводилась нашим директором и в целом Сибирским отделением РАН.

В конце 1990-х гг. открылись двери в нашу страну для зарубежных ученых. Идея привлечь их для исследования Байкала была исключительно плодотворной. Мы смогли сотрудничать бок о бок с ведущими учеными мира и сопоставить их результаты с нашими, зачастую полученными на старых приборах и устаревшими методами. Можно с гордостью констатировать, что в большинстве случаев удавалось подтвердить наши прежние данные и выводы и тем самым – высокую квалификацию наших сотрудников.

Последующие поездки в зарубежные лаборатории и знакомство с новыми приборами и методами также сослужили хорошую службу. Мы приобрели не только новых друзей, долгосрочные контакты, совместные научные проекты, но и внедрились в мировую науку, доказывая высокое качество российских исследований.

Массовое появление иностранных ученых на Байкале создавало своеобразную конкуренцию в науке. На заседаниях ученого совета бурно обсуждалось, какова же наша роль в исследовании Байкала, сможем ли мы быть лидерами или все сведется к сфере обслуживания – «тасканию чемоданов» наших иностранных коллег. Эти обсуждения заставили искать новые идеи, решать новые задачи. О том, удалось ли это нам, можно судить по результатам, опубликованным сотрудниками

института в рецензируемых журналах, начиная с 1987 г. по настоящее время.

Нельзя не отметить, что в самые сложные 1990-е гг. именно при финансовой поддержке Байкальского международного центра экологических исследований (БМЦЭИ) институт развивался и выполнял сложнейшие экспедиции и проекты. Что стоило, например, проект ИНТАС на поддержку наших кораблей... Мы не только сохранили флот, но и активно его использовали, выполняя сложнейшие исследования по сейсмике, тралениям, глубоководному бурению на оз. Байкал. За эти годы было выполнено около 300 совместных проектов, ежегодно институт принимал около 100 иностранных ученых. Надо обладать особым характером, чтобы все состоялось.

А еще надо было продолжать решать проблему Байкальского целлюлозно-бумажного комбината, которая давно стала разменной монетой в руках политиков разного уровня. Поэтому идея отдать Байкал под защиту и контроль всего мирового сообщества была блестящей.

С момента приезда экспертов ЮНЕСКО в 1990 г. и до включения Байкала в список объектов мирового природного наследия прошло более пяти лет. Сейчас некоторые пытаются приписать себе заслуги по включению Байкала в список объектов мирового природного наследия, но без знания экосистемы озера Байкал, поддержки Президиума Сибирского отделения РАН и мирового научного сообщества вряд ли кому-то другому удалось бы довести это дело до конца.

Оглядываясь назад, можно отметить, что практически все задуманные в разные периоды крупные проекты и задачи реализованы или продолжают реализовываться в настоящее время. У нас по-прежнему много проблем, а также много задумок и планов на ближайшее будущее. Мы надеемся решать их вместе и дальше. Наш институт очень живой, и не только потому, что у нас много молодых, а, наверно, и потому, что наш директор М. А. Грачев по-прежнему молод душой и заставляет думать и двигаться вперед.

Здоровья Вам, Михаил Александрович!

*От имени коллектива института
д. б. н. Т. И. Земская, ученый секретарь*

НАУКА из первых рук

Михаил Александрович Грачев — не просто директор одного из самых успешных институтов СО РАН, но большой друг нашего журнала с первых дней его существования.

За прошедшие годы многие сотрудники ЛИНа стали нашими авторами, познакомив читателей с открытиями, сделанными при изучении оз. Байкал — величайшего природного феномена не только Сибири, но и мира.

Сегодня мы попросили академика Грачева рассказать о прошлом, настоящим и будущем маленькой «байкальской академии», бессменным лидером которой он является уже более двадцати лет

– В 1965-м, приняв решение переехать из Москвы в Новосибирск, вы удивили своих коллег. Что побудило сделать такой неординарный шаг?

– Не «что», а «кто». Побудил меня Лев Степанович Сандахчиев. В 1964 г. он буквально покорил всех московских биохимиков, занимавшихся транспортными РНК, предложив совершенно оригинальный способ их очистки. Чтобы освоить этот способ, я несколько раз ездил в Новосибирск в длительные командировки, и мне очень понравился и Новосибирский институт органической химии, и весь уклад жизни в Академгородке.

Новый лабораторный корпус с чистыми просторными лабораториями, конструкторское бюро и огромные мастерские, корпус модельных установок, в котором можно в большом масштабе нарабатывать исходные и промежуточные продукты. От дома до работы – 20 минут пешком. Отсутствие враждующих групп в коллективе института. О своем переезде я никогда не жалел.

– Что удалось сделать в Новосибирске?

– В Новосибирске я прожил 21 год. В науке – это огромный срок. В 1966 г. группа американских ученых получила Нобелевскую премию за установление последовательности нуклеотидов в одной из транспортных РНК длиной 78 нуклеотидов. В 2004 г. расшифрована

последовательность нуклеотидов в геноме человека, длина которого составляет 3,8 миллиарда оснований.

За этим стремительным продвижением мировой науки приходилось все время поспевать, формулировать новые задачи, разрабатывать новые методы, изобретать и строить различные приспособления и даже сложные приборы. Самым

«В начале августа 1991 г. наша группа исследователей из Японии посетила Иркутск и озеро Байкал. Мельком взглянув в Листвянке на огромное голубое озеро, мы отправились на встречу с доктором М. Грачевым в Лимнологический институт для беседы о проекте БМЦЭИ и обсуждения некоторых планов международного сотрудничества. Однако, по крайней мере для меня, перспективы совместных научных проектов между Японией и СССР в то время выглядели неубедительно.

Потом у нас состоялась вечеринка с сотрудниками Лимнологического института в ресторане, недалеко от статуи Ленина в центре города. В разгар вечеринки секретарь сообщила нам, что один из студентов японской группы был ограблен на улице. Милиция просила привести кого-либо для перевода при допросе.

Доктор Грачев и я отправились в отделение милиции. Допрос студента шел весьма медленно, так как мы должны были переводить сначала с русского на английский, затем с английского на японский, а потом в обратном порядке. Было далеко за полночь, когда мы втроем покинули отделение милиции.

Когда подъезжали к железнодорожному вокзалу, доктор Грачев неожиданно остановил машину. Он забежал в ларек, купил шашлык и дал его студенту, так как думал, что тот сильно проголодался. Именно в тот момент я осознал, что готов начать совместные исследования в институте доктора Грачева».

Ясунори Ватанабе, Университет Рисшо, Япония

«Одним из самых важных визитов представителей Великобритании стал приезд Гринховардского полка Британской армии. Они приехали помочь провести учет популяции нерпы и привезли с собой много оборудования, включая четыре квадроцикла, которые они впоследствии подарили Лимнологическому институту.

Кроме того, они привезли аппаратуру связи, что породило много проблем при прохождении таможни в Новосибирске. Последующие «переговоры» даже послужили предметом для новостей по всероссийскому телевидению, и я думаю, Михаил Грачев надолго запомнил все телефонные звонки и переговоры, которые продолжались до тех пор, пока не было получено оборудование!

Но есть английская пословица: «Все хорошо, что хорошо кончается». В этом случае все кончилось хорошо, и учет численности популяции нерпы прошел успешно».

Дэвид Джусон, Королевское общество, Великобритания

же главным было – постепенное создание школы молодых ученых, способных работать на мировом уровне. Успехами этой школы я очень горжусь.

– В чем причина вашего дальнейшего продвижения на восток?

– В 1965-м я получил хороший урок. Навыки и знания, которые были получены в 1960–1965 гг. в Москве в Институте химии природных соединений, удалось быстро привить в Новосибирске. Я уверен, что, если бы остался в Москве, мое развитие как научного сотрудника и руководителя проходило бы гораздо медленнее, а многие достижения просто не могли состояться.

К середине 1980-х гг. у меня сложилась большая сфера влияния, множество тесных неформальных

Первое выступление нового директора Лимнологического института чл.-кор. М. А. Грачева на заседании президиума Иркутского научного центра. 1988 г. Фото В. Короткоручко

контактов как внутри Новосибирского института биоорганической химии, так и в соседних институтах – Институте цитологии и генетики, Институте кинетики и горения, во ВНИИ молекулярной биологии Главмикробиопроба, в медицинских институтах. Публиковались совместные статьи, успешно защищались диссертации по предложенным мной темам. В рамках лаборатории мне становилось тесновато, захотелось попробовать себя в роли руководителя самостоятельной ячейки, которой в Академии наук является институт. Хотелось себя испытать – выдержу ли я такой груз ответственности.

Поэтому, когда в 1987 г. председатель Сибирского отделения АН СССР В. А. Коптюг предложил мне переехать в Иркутск и возглавить Лимнологический институт, я немедленно согласился. В. А. Коптюг поддержал мою просьбу о том, чтобы в Иркутск я ехал не один, а в составе «десанта» из 20 ученых, работавших в Новосибирске, в основном – молекулярных биологов. Руководство области выделило для десанта 20 новых квартир.

ЛИИ: двадцать лет назад...

– Каковы первые впечатления об Иркутске и Лимнологическом институте?

– Впечатлений от Иркутска у меня и сегодня немного. Скажу коротко: это не новосибирский Академгородок. А работы сразу свалилась огромная гора. Коллектив института мне очень понравился. Было совершенно

ясно, что большинство в нем составляют люди, глубоко преданные науке, готовые в любую погоду, при любом, даже очень низком, финансировании изучать озеро Байкал. Каждый из них – эксперт в своей области, их подавляющее число продолжает работать в институте и сейчас.

Институту не хватало современных приборов и методов, тесных связей с мировой и общероссийской наукой, надежных количественных подходов к оценке состояния экосистемы Байкала.

Впечатлений было много. Во-первых, сразу же пришлось выполнять поручение правительства – разработать нормы допустимых воздействий на экосистему Байкала. Согласование этого документа с московскими руководящими органами потребовало множества встреч с чиновниками, изучения механизма принятия политических решений. В то время в России было много умных и принципиальных чиновников, очень интересных людей.

Нормы удалось разработать и согласовать в рекордный срок – всего за три месяца. Внешне это выглядело так. Сиджу под лестницей в здании Президиума РАН в Москве рядом с кабинетом В. А. Коптюга, печатаю на машинке очередную редакцию норм, иду в кабинет к «вертушке», звоню руководителю ведомства (на звонок по «вертушке» было принято в то время отвечать), беру такси, еду к этому начальнику за согласованием, как правило, в этот же день получаю замечания, еду назад, под лестницу, вношу правки, договариваюсь со следующим начальником и т. д.

«Моя первая встреча с Михаилом Грачевым состоялась на страницах журнала *Nature*, задолго до того, как я познакомился с ним лично. Дж.Мэддокс, занимавший в то время пост редактора этого журнала, написал краткую заметку о М. Грачеве. Или это была заметка об озере Байкал? Казалось, оба тесно связаны. Мэддокс начинал свою заметку такими словами: «Кажется, одно из желаний Михаила Грачева вполне может исполниться... Он мечтал о привлечении людей из-за рубежа для того, чтобы разведать потенциал Байкала» (*Nature*, 1989, 337).

Спустя несколько месяцев в разделе новостей журнала были изложены обоснования необходимости исследования уникальной экосистемы озера Байкал. Из четырех приведенных причин наиболее значимой для меня были «Исследования видообразования уникального комплекса эндемиков Байкала, насчитывающего примерно 1500 организмов (видов), а также изучение эволюции их нуклеиновых кислот и белков».

...Мэддокс заметил о М. Грачеве: в нем «бурлит энтузиазм». Во многих отношениях этот энтузиазм был чересчур избыточным; идеи появлялись с такой скоростью, что было невозможно их уловить и понять их потенциал, не говоря уже о том, чтобы внедрить в жизнь... Его убеждение в том, что возможность изучения «эволюции их (эндемичных видов Байкала) нуклеиновых кислот и белков» стоит вне времени, сегодня нашло подтверждение в интересе к штрихкодовой и молекулярной систематике. Это как раз то, что выделяет М. Грачева: его способность предвидеть и выходить за пределы установленных задач».

Дэвид Вильямс,
Отдел ботаники
Музея естественного
Великобритания

«Хотя в структуре БМЦЭИ был Совет, который рассматривал программы и определял действия, был все же один человек, который координировал, направлял всю деятельность центра, предлагал идеи и способствовал их осуществлению, объединял людей – это Михаил Грачев.

В течение ряда лет такая структура функционировала очень хорошо: имея довольно ограниченное финансирование, важные научные проекты выполнялись успешно, объединяя иностранный опыт с компетенцией ученых Лимнологического института. А когда не хватало рук, Михаил Грачев вливал свежие силы в лице молодых ученых из своего института, таким образом способствуя выполнению проектов. Он окружил себя мотивированными и компетентными сотрудниками. В начале 1990-х гг. финансирование науки в России было недостаточным, но Грачев находил необходимые деньги для проведения экспедиций на озере. Как он делал это, для меня до сих пор остается загадкой, но он делал это.

...Я не всегда соглашался с его подходами и часто говорил ему, что невозможно выполнить то, что он предлагает. Но вскоре я понял, что в его словаре не существует слова “невозможно”... »

Жан Клеркс, Королевский
музей Центральной Африки,
Тервурен, Бельгия

– Все один? И другого помещения не было, только под лестницей?

– Да, один. И другого помещения не было, а там уютно, можно было печатать, никому не мешая, чай пить и курить.

Согласующих ведомств было четыре: РАН, Госкомгидромет, Министерство рыбной промышленности и Минздрав. Выполнить такую работу сегодня за три месяца невозможно.

А Байкал в это время не дремал и преподнес совершенно неотложную проблему. Поздней осенью 1987 г. на Байкале началась массовая гибель тюленей. На берега выбросило 6 тыс. трупов животных, из общего числа особей популяции около 100 тыс. 25 декабря 1987 г. небольшая экспедиция в составе сотрудников института (в том числе меня) и известного иркутского ветеринара и патоморфолога В.С. Колесника на теплоходе «Верещагин» отправилась на остров Ушканий, расположенный посреди Байкала на границе его средней и северной котловин.

Работники метеостанции показали нам мертвых тюленей, описали симптомы болезни и сообщили, что у них погибли с аналогичными симптомами все собаки. В.С. Колесник тут же предположил, что бай-

Кто может рассказать о «Милихроме» лучше, чем его создатель? 1988 г. Фото В. Короткоручко

кальская нерпа заболела собачьей чумкой. Чумка, или чума плотоядных, вызывается морбилливирусом, родственником вируса кори. Анализ литературы показал, что случаев заболеваний тюленей чумкой ранее не отмечалось. Тем не менее мы решили проверить гипотезу методами молекулярной биологии. Это сделал новосибирский десант, и гипотеза уже в феврале 1988 г. полностью подтвердилась. Итогом работы стал доклад правительству и две публикации в журнале *Nature*.

Еще одно сильное впечатление первого года работы в Иркутске – тесное знакомство с главным противником экологов, Байкальским целлюлозно-бумажным комбинатом. За несколько дней я облазил все участки этого большого предприятия, все места, где образуются выбросы и сбросы вредных веществ. Это было очень сильное впечатление. Грамотно управляя своими огромными установками, сотрудники комбината делали все возможное, чтобы свести ущерб Байкалу к минимуму. Вот, пожалуй, и все главные первые впечатления.

Рыцари Байкала: чл.-кор. М. А. Грачев, акад. В. А. Коптюг, Н. А. Логачев, чл.-кор. Г. И. Галазий

«2008-й... Известные на весь мир глубоководные обитаемые аппараты «Мир» находятся на Байкале. Они задействованы, возможно, в одной из самых больших экспедиций. Благодаря невероятно любезному приглашению у меня будет возможность поучаствовать в одном из многих погружений и фактически увидеть своими собственными глазами, как в действительности выглядят грязевые вулканы. Погружение проходит хорошо, гладко и без проблем... 5 часов пролетели, как одно мгновение. Как нам кажется, мы видим грязевые вулканы... Мы абсолютно точно видим пузырьки. Может быть, и грязевые брекчи. И пористую глину. А во время предыдущего погружения ученые видели даже выход нефти...»

Эта экспедиция на «Мире», организованная на высоком уровне, и сами наблюдения за различными районами залегания гидратов на дне озера состоялись после 10 лет напряженных исследований гидратов на Байкале. И вот теперь Байкал всемирно известен как наиболее интересный и наиболее полно исследованный район газовых гидратов и газовых выходов».

Марк де Батист,
Центр морской геологии Ренарда,
Геологический институт, Гентский университет

«Байкал как природная лаборатория – эта идея фикс Михаила Грачева существовала много лет.

Одно из последних мероприятий, которое мы организовали вместе, было исследование гидратов метана в осадках в Среднем Байкале. Сейсмические исследования высокого разрешения подтвердили наличие гидратов под дном озера. Мы запланировали зимнюю экспедицию на льду озера с ограниченным финансированием и довольно примитивным оборудованием. Не было никаких гарантий на успех, когда началась работа, но Михаил Грачев полностью поддержал начало этого мероприятия.

Экспедиционный отряд работал усердно в течение нескольких дней, но безрезультатно, однако никто даже и не думал прекращать работу, так как именно сам начальник поддерживал это мероприятие. В конце концов, нам повезло. Сейчас Байкал стал настоящей природной лабораторией для проведения исследований по распространению газовых гидратов».

Жан Клеркс

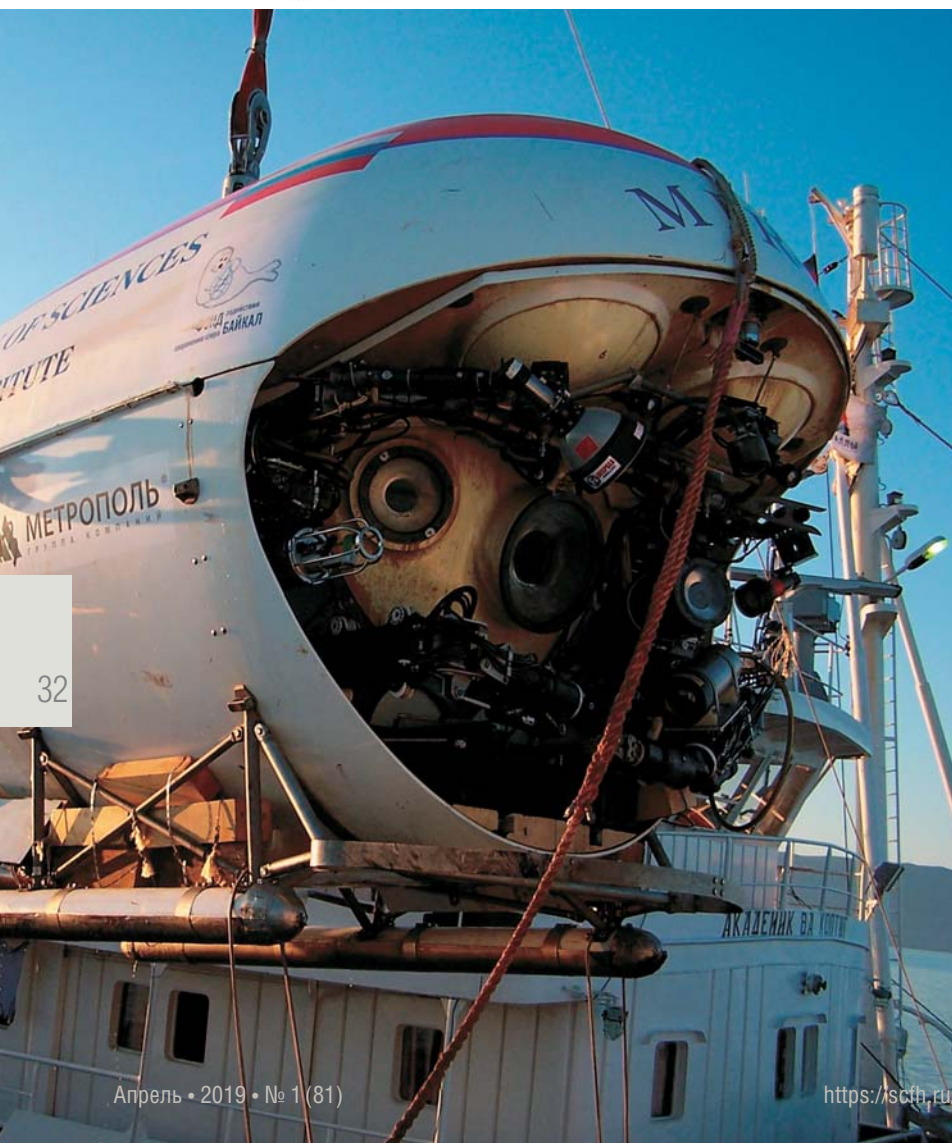

– В 1990 г. при Лимнологическом институте был создан Байкальский международный центр экологических исследований. Как это удалось?

– Удалось легко. Упал «железный занавес», была отменена секретность экологических исследований. Началось буквально паломничество иностранных ученых на Байкал. Мы старались поставить дело так, чтобы все экспедиции и исследования были не иностранными, а совместными, чтобы в них участвовали российские ученые из Лимнологического института и любых других институтов СССР.

К моменту официального открытия БМЦЭИ на Байкале уже состоялось множество международных экспедиций, давших очень ценные результаты. С современным оборудованием к нам приезжали ведущие специалисты из большинства развитых стран мира. К их удивлению, оказалось, что Байкал за советское время стал одним из самых изученных озер мира, но об этом было мало известно мировой науке, потому что результаты публиковались не в научных журналах, а в малотиражных монографиях, зачастую с грифом «для служебного пользования».

Глубоководный аппарат «Мир» во всей красе

Наши эксперты лимнологи помогли иностранным коллегам избежать «изобретения велосипедов». Очень пригодилось то, что я с детства знал английский язык. Приходилось не только вести обширную переписку с иностранцами, но иногда буквально на ходу, накануне экспедиции сколачивать команды, состоящие из ученых двух-трех стран и россиян.

БМЦЭИ получил мощную поддержку и от СО РАН, и от международных научных организаций, например, об идее организации Центра дважды написал в журнале *Nature* его главный редактор Дж. Мэддокс. Итогом деятельности БМЦЭИ к концу 1990-х гг. стало опровержение мифа о тотальном загрязнении Байкала.

ЛИН: двадцать лет спустя

– Что сейчас представляет собой ЛИН?

– Сейчас ЛИН представляет собой неплохо оснащенный, даже по мировым меркам, институт. Наряду с ветеранами у нас много – больше половины – молодых научных работников. В институте нет склок и враждующих группировок. Полностью открыто финансирование из всех источников. В течение последнего десятилетия отработана простая и открытая система поощрения результативности. Поскольку Байкал должен изучаться представителями многих научных дисциплин, в институте имеются лаборатории физического, химического, биологического, географического и геологического профиля – маленькая Академия наук.

Байкал — единственный в мире пресноводный водоем, где обнаружены газогидраты, твердые соединения из метана и воды

Планы на будущее... М. А. Грачев и председатель СО РАН академик А. Л. Асеев. 2009 г. Фото В. Короткоручко

– Как удастся поддерживать в одном институте с небольшим штатом исследования по разным наукам, да еще на мировом уровне?

– Ваш вопрос звучит как комплимент. О нашем месте в мировой науке можно судить по публикациям в рецензируемых научных журналах и по цитируемости этих публикаций. Действительно, за прошедшие годы удалось включить многие наши направления в русло мировой науки и несколько раз даже обогнать ее быстро продвигающийся фронт.

Наши успехи объясняются несколькими причинами. Во-первых, это установленные связи с множеством более узко специализированных научных коллективов, как отечественных, так и зарубежных. Во-вторых, мне кажется, что в институте сложилось уважительное отношение к каждому сотруднику, который хочет реализовать свою идею. Это способствует свободе научного поиска. В-третьих, это наша молодежная политика. В течение многих лет мы принимаем на работу и даже платим зарплату студентам Иркутского государственного университета, Политехнического университета и других вузов, начиная иногда даже с первого курса.

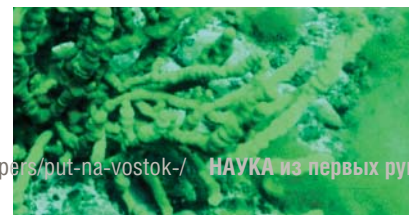
В последние годы самым интересным для меня событием в институте является отчет аспирантов. Уровень многих работ и их качество вызывает большое уважение, а ведь именно аспиранты и молодые ученые работают на передовом рубеже науки, прокладывают новые пути, и от их успехов зависит наше соответствие мировому уровню.

В течение многих лет всем коллективом в условиях полной гласности мы стараемся внедрить объективную систему оценки результативности сотрудников, не зависящую от произвола начальства. В основе этой системы выплата надбавок за журнальные публикации и за цитируемость работ. Наконец, наши научные результаты интересны тем, что почти всегда они получаются на стыках дисциплин – физики и биологии, химии и геологии, географии и экологии. Как известно, именно на стыках наук зачастую рождаются крупные научные прорывы.

«Когда я решил провести год в Сибири, я и не думал, что это будет одним из самых запоминающихся событий в моей жизни, когда я набрался много опыта: в личном плане это касается крепких дружеских отношений, красоты природы и людей; в профессиональном – я восхищаюсь чудесной работой, которую выполняют люди, несмотря на все невзгоды, их страстью к науке и даром соединять работу и семейную жизнь в одно целое.»

Каждый раз, когда мой взгляд падает на карту мира, я нахожу Байкал, «жемчужину Сибири» в сердце азиатского материка, вытянутую голубую полосу на фоне земли, потому что это место стало для меня домом. Сразу всплывают образы, воспоминания и ощущения, сопровождаемые желанием вернуться. Благословенны те, кто живет среди такой красоты!»

**Кристоф К. Томас,
Государственный университет
Оригона, США**

Планы

– Что еще хотелось бы сделать?

– Во-первых, конечно, не оплошать. Идей много, самое главное, чтобы они не оказались тривиальными и дали видимые и значимые результаты. Сейчас, как и раньше, нашей ключевой задачей остается поиск новых крупных перспективных направлений. Как говорится в сказке «Алиса в стране чудес», нужно очень быстро бежать, чтобы стоять на месте.

– Как обеспечить «приток мозгов» с Запада?

– Обычно этот вопрос ставят иначе: как предотвратить «утечку мозгов» на Запад? Ответ: не надо ее прекращать. Надо создать встречный поток с запада на восток. В Америке науку делают ученые всех стран мира. Если мы хотим стать мировой научной державой, можно принять два альтернативных решения: либо вернуть «железный занавес», либо создать условия для того, чтобы иностранные ученые приезжали работать к нам.

Пока что в России не создано научной политики, направленной на мобильность ученых. Не говоря уже об ученых западных стран, даже переезд ученого из Москвы в Сибирь воспринимается как нечто экстраординарное, хотя в Сибири и природа чище, и пробок на дорогах меньше, и возможностей для быстрого научного роста гораздо больше, да к тому же и зарплата выше благодаря районному коэффициенту. У нас есть научные школы мирового уровня, интереснейшие при-

родные объекты, такие как озеро Байкал и сибирская тайга, в последние годы появилось отличное импортное оборудование.

Очень много в этом направлении Сибирское отделение и его институты могут сделать уже сейчас, не дожидаясь судьбоносных решений правительства. Если будем живы, в ближайшие годы будем планомерно приглашать и принимать на работу талантливых молодых ученых из западных регионов России.

– Какой совет вы можете дать молодому ученому? Как стать хорошим ученым?

– Если этот вопрос действительно задает молодой ученый, то ответ на него запоздал – тяга к науке закладывается в человеке еще в школьном возрасте, в 14–16 лет. Поэтому совет простой – если хотите успешно заниматься наукой, начинайте это дело как можно раньше либо много и упорно работайте, чтобы наверстать упущенное время.

И помните, что фундаментальная наука – это только мировая наука. Если открытие сделано, второй раз его делать не надо. Отсюда вытекает, что хорошему ученому нужно очень много читать и знать мировую научную литературу, знать мировой язык научного общения – английский, нужно добиваться успеха, чтобы научный труд каждый день приносил радость.

В публикации использованы материалы из кн. «ЛИН СО РАН: двадцать лет спустя...» (Иркутск: ООО «Аспринт», 2009. — 288 с.) и фотографии из архива ЛИИ СО РАН

Редакция благодарит за помощь в подготовке публикации сотрудников ЛИИ СО РАН Е.В. Лихошвай, Т.И. Земскую, М. Усольцеву, а также Н.А. Мазутову (из-во «Аспринт»)